

Н. Русова, В. Шевцов

«Калистрат»

Некрасов, как никакой другой русский поэт, прославился знанием народной жизни, умением проникать в крестьянскую психологию. Стихотворение «Калистрат» отчетливо демонстрирует нам эти качества поэта. Лирический герой, крестьянин, подчеркнуто отстранен здесь от автора, это сознательно избранная поэтом маска. Стихотворение поэтому не может в полной мере считаться лирическим — в нем силен сказово-эпический элемент.

Смысл стихотворения довольно прозрачен. В нем повествуется о нищете крестьянина и бедственном положении его семьи. Некрасов очень уместно здесь творчески преломляет элементы фольклорной поэтики. Издавна на Руси пелись колыбельные песни с пожеланиями младенцу счастья, богатства и прочих жизненных благ. В первой строфе мы как раз и слышим фрагмент такой колыбельной, где предсказывается будущая судьба главного героя — в самых радужных тонах.

Как далее становится ясно, предсказание сбылось, что называется, «с обратным знаком». Рассказ «Калистратушки» насыщен острой иронией по отношению к своей горькой доле. Характерно, что за показной веселостью мы явственно слышим владеющее Калистратом чувство тоски и безысходности. Третья строфа, кстати, построена по канонам фольклорного жанра «небылицы», или «нескладухи»; см., например:

На ту же на драку, на великий бой
Выбегали тут три могучие богатыри:
А у первого могучего богатыря
Блинами голова испроломана,
А у другого могучего богатыря
Соломой ноги изломаны...

Этот прием подчеркивает несоответствие между предсказанным и тем, что сбылось в действительности. Отметим, что автор прямо не выражает своего отношения к судьбе Калистрата. У читателя даже может возникнуть вопрос: на ком же лежит вина за бедственное положение Калистрата? Может быть, он и сам отчасти виноват в нём?

Стихотворение написано четырехстопным хореем с перекрестной дактилической рифмовкой. Этот размер еще со времен Карамзина используется в отечественной поэзии для имитации народной метрики. В тексте нет экзотических примет крестьянской речи, таких, скажем, как диалектизмы. Единственное непонятное широкому кругу читателей выражение — «лапти с подковыркою» (так называли щегольские, сплетенные в три ряда лапти). Народный колорит создается употреблением особых формообразующих суффиксов, свойственных деревенскому просторечию: не «качая», а «качаючи»; не «купаюсь», а «купаюся» итак далее. Характерны также уменьшительно-ласкательные формы: «матушка», «детушки», «волосыньки».